

THE EASTERN ORTHODOX No 103: June 2018

**ЦЕРКОВЬ СВТ. ИОАННА ШАНХАЙСКОГО
ST JOHN'S RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
Military Road, Colchester, Essex CO1 2AN**

**His Holiness Kyrill, Patriarch of Moscow and All the Russias
Most Rev. Metropolitan Hilarion, First Hierarch of the Church Outside Russia
Rt. Rev. Bishop Irenei, Administrator of the Diocese of Great Britain and Ireland**

The Church of St John of Shanghai, built in 1855, is the largest Russian Orthodox church building in the British Isles and is attended by 3,000 Orthodox of 24 nationalities. It is a parish of the East of England Orthodox Church, which belongs to the Church Outside Russia, (Charity No: 1081707), comprising Colchester, Norwich, Bury St Edmunds, Wisbech and Ashford, devoted to the care of those faithful to the Orthodox Church in Eastern England.

Rector, Prison Chaplain and Safeguarding Officer: прот. Андрей Филлипс / Archpriest Andrew Phillips M.A. (Oxon): frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / 07745 298266

Assistant Priest: Fr Ioan Iana (Romanian): ovi.iana@yahoo.com / 07983 204844

Assistant Priest (Norwich): Fr Spasimir Ivanov (Bulgarian): miro.si@abv.bg / 07746 272011

Choir and Sisterhood: Sabine Phillips: sabinenbn@yahoo.co.uk

Caretaker and Reader: Monk Symeon: 07546 122773

Readers: Jack Sardo, Sergei Dorofeev, Timothy Phillips, Maxim Brown, Daniel Zabacinschi
Sunday School, St Alban's Youth Club, Searchlight Magazine and St Juliana's Sewing

Club: Mary Kisliakova: mary0170@yahoo.com

St Joseph's Construction Club: Martina Colto: coltomarian@yahoo.com

Facebook: www.facebook.com/stjohnsorthodoxcolchester

Facebook Page Co-ordinator: timo_phillips@yahoo.com

Russian School: Sophia Bown: safi@mail.ru

Church Bookshop and Publications: Audrey Body: abody@st-albans.suffolk.sch.uk

Gardener: Paul Hopkins, 69 Military Road

Icon Painter: Elena Khmel'nitskaya: darrat@ukr.net

Russian Orthodox Camp (Ages 9-16): Fr Stephen Platt: fr.stephen.platt@googlemail.com

Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Website: www.orthodoxengland.org.uk

Расписание Богослужений / Timetable of Services

Saturday 2 June

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 3 June: All Saints / Всех святых

10.00 am: Hours and Liturgy / Часы и Божественная Литургия

Monday 4 June: Beginning of the Apostles' Fast / Начало Петрова поста

Saturday 9 June

5.30: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 10 June: All the Saints who have Shone forth in Rus / Всех святых, в земле Русской просиявших

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная Литургия

Saturday 16 June

5.30: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 17 June: All the Saints who have Shone forth in these Isles / Собор всех святых, на Британских островах и в Ирландии просиявших

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная Литургия

Saturday 23 June

5.30: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 24 June:

10.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная Литургия

Friday 29 June

5.30 pm: Vigil for St John of Shanghai, the Wonderworker / Всенощное бдение праздника свт. Иоанна Шанхайского, чудотворца

Saturday 30 June: Patronal Feast / Престольный праздник: St John of Shanghai / День памяти Свт. Иоанна Шанхайского

10.00 am: Hours, Liturgy and Procession (Blessing of Water at 8.30 am). Meal in Halls / Часы, Божественная литургия и крестный ход (в 8.30 – малое освящение воды). Общая трапеза.

3.00 pm: Vigil / Всенощное бдение

Baptisms in May

5 May: Dalia Cavalschi

5 May: Antonia Straveston

5 May: Zoya Sigonin

8 May: Solomon Gurbuz

19 May: Sebasitian Palade

26 May: Sofia Pappel

Wedding in May

20 May: Sergiy and Xenia Duchuk

ЕВАНГЕЛИЕ О СОШЕСТВИИ ДУХА СВЯТАГО

День Святой Троицы. Пятидесятница

Святитель Николай (Велимирович)

Деян., 3 зач., 2:1-11. Ин., 27 зач., 7:37-52; 8:12.

Когда посеяно семя, должна сойти на него сила тепла и света, дабы оно возросло.

Когда посажено древо, должна прийти сила ветра, дабы его укрепить.

Когда домовладыка выстроит дом, он прибегает к силе молитвы, дабы его освятить.

Господь наш Иисус Христос посеял на ниве этого мира самое отборное семя. Должна была сойти сила Духа Святаго, да согреет и да осветит семя сие, чтобы оно росло успешно.

Бог Сын посадил на диком поле смерти древо жизни. Должен был налететь могучий вихрь Бога Духа Святаго, да укрепит древо жизни.

Превечная Премудрость Божия создала Себе дома из избранных душ человеческих. И Дух силы и святости Божией должен был сойти на дома сии и освятить их.

Божественный Жених избрал Себе Невесту, Церковь чистых душ, и Дух вечной радости должен был сойти, да обручит небо с землею и да облечет Невесту в одежду брачную.

Все свершилось так, как и было предречено. Дух Святой был обетован, и Дух Святой сошел. Кто мог обещать сошествие на землю Духа Всесильного, кроме Того, Кто знал, что Дух Сей послушает Его и сойдет? А по отношению к кому мог Дух Всесильный явить столь быстрое Свое послушание, если не по отношению к Тому, к Кому Он имеет совершенную любовь?

О, как совершенная любовь всегда готова к совершенному послушанию! Да ведь совершенная любовь не может быть совершенно выражена иначе, как в совершенном послушании. Любовь постоянно бдит в желании и готовности послушаться своего возлюбленного. А из совершенного послушания истекает, словно поток меда и млека, совершенная радость, коя и составляет притягательную силу любви.

Отец имеет совершенную любовь к Сыну и Духу. Сын имеет совершенную любовь ко Отцу и Духу. И Дух имеет совершенную любовь ко Отцу и Сыну. По этой совершенной любви Отец есть самый ревностный послушник Сына и Духа, и Сын есть самый ревностный послушник Отца и Духа, и Дух есть самый ревностный послушник Отца и Сына. Совершенная любовь делает Отца совершенным слугою Сына и Духа; и Сына – совершенным слугою Отца и Духа; и Духа – совершенным слугою Отца и Сына. Как никакая любовь в сотворенном мире не может сравниться со взаимною любовью Божественных Ипостасей, так и никакое послушание не может сравниться с Их взаимным послушанием. *Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. – Да будет воля Твоя.* Не являют ли слова сие совершенного послушания Сына Отцу? – *Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня,* – сказал Господь Иисус Христос при воскрешении Лазаря; а позднее Он однажды воскликнул: *Отче! прославь имя Твое. Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю* (Ин.11:41-42; 12:28). Не являет ли все сие совершенного послушания Отца Сыну? – *Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам ...да пребудет с вами вовек. – Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне* (Ин.16:7; 14:16; 15:26). И действительно, в пятидесятый день по Воскресении Утешитель Дух истины сошел на тех, кому был обещан. Не являет ли сие совершенного послушания Духа Святаго Сыну?

То спасительное правило, кое апостол Павел повелевает выполнять всем верным: *честью друг друга больша творяще – в почтительности друг друга предупреждайте* (Рим.12:10), – в совершенстве осуществлено между Ипостасями Святой Троицы. Каждая из Ипостасей старается в почтительности предупреждать Две Другие;

как и Каждая желает послушанием умалиться пред Двумя Другими. И если бы у Каждой из Божественных Ипостасей не было сего сладчайшего и святого устремления даровать Свою честь Двум Другим и умалить Себя послушанием, то по бесконечной любви, которую Каждая из Них имеет к Каждой, Троичность Божества утонула бы в некоей безразличности Ипостасей.

Итак, по безграничной любви Бога Духа Святаго к Богу Сыну Дух Святой с безграничным послушанием поспешил исполнить волю Сына и сошел в predetermined время на апостолов. Бог Сын твердо знал, что Бог Дух Святой послушает Его, потому Он так твердо и обещал Его сошествие на апостолов. *Вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше*, – заповедал Господь наш Иисус Христос апостолам Своим. Не спрашивайте, откуда Господь знал заранее, что сия *сила свыше*, или Дух Святой сойдет на учеников Его. Господь знал заранее не только это, но и все прочее, что произойдет до конца времен, да и после конца времен. Но, глубже вдумавшись именно в сей случай, вы увидите: это предведение и предсказание Господа о сошествии Духа Святаго является предведением и предсказанием лишь в том, что относится к внешнему событию сего сошествия, но не в том, что касается согласия Духа и Его желания исполнить волю Сына и сойти. Ибо, и прежде нежели Господь заговорил о сошествии Духа, Он уже имел ревностное и добровольное согласие Духа на то. Вернее, Дух Святой и говорил чрез Него о Своем сошествии. Ибо не сказано ли в Евангелии: *Иисус, исполненный Духа Святаго* (Лк.4:1)? И не признал ли Сам Господь наш Иисус Христос в Назарете, что на Нем сбылось пророчество Исаии: *Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим* (Лк.4:18)? Ясно, таким образом, что Сын находится в непрерывном общении с Духом Святым, как и со Отцем, – в общении взаимной любви, послушания и радости. Помазание Духом свидетельствует о живом и действительном пребывании Духа в конкретной личности. Так как же Помазанник мог бы говорить что-либо о Том Самом Духе, чтобы при сем Дух этого не знал? И обещать некое соработничество Того Самого Духа, если бы Дух не был с этим заранее согласен? А что Дух Святой пребывал в Господе нашем Иисусе Христе и был согласен со всяким словом, всяким делом и всяким обетованием Иисусовым, свидетельствует и сегодняшнее Евангельское чтение.

В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Здесь речь идет о празднике кущей, который праздновался осенью в память о строительстве кущей в пустыне во время странствования по ней иудейского народа. Этот праздник отмечался в седьмой месяц по иудейскому исчислению, что соответствует нашему сентябрю, и был праздником веселья великого (Лев.23:34; Втор.16:13-14). Он праздновался семь дней, и последний день, должно быть, отмечался особенно торжественно, раз назывался великим. *Кто жаждет, - возгласил Господь, - иди ко Мне и пей.* В безводном Иерусалиме трудно было напоить многолюдную толпу и обычной, материальной водой. Специальные водоносы таскали воду для храмовых сосудов с источника Силоам. Что побудило Господа заговорить о жажде и воде? Быть может, жалобы народа на жажду. Быть может, вид работавших водоносов, кои с трудом тащили воду снизу из Силоама на гору Мориа, где находился храм. А быть может, и то обстоятельство, что это был последний день, и посему Господь хотел воспользоваться временем, дабы напомнить людям с окамененными сердцами о духовной жажде и предложить им духовное питание. Некогда Он сказал женщине самарянке: *кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек.* И ныне Он имеет в виду ту же животворящую воду духовную, ныне, когда призывает всякого жаждущего: *иди ко Мне и пей.*

Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен. - *Веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы.* Прежде всего Господь определяет веру в Себя. Он обещает награду тому, кто право верует в Него, то есть верует так, *якоже рече Писание (как сказано в Писании).* Он не хочет, чтобы в Него веровали как в одного из пророков. Вот, все пророки пророчествовали о Нем. И не хочет Он, чтобы Его считали вторым Илией или Иоанном Крестителем. Вот, и Илия, и Иоанн были лишь слугами Божиими и предтечами Его. А Он не называет Себя ни слугою Божиим, ни чьим бы то ни было предтечею. Священное Писание глаголет о Нем как о Сыне Божиим, рожденном от Бога Отца в вечности и от Пресвятой Девы Марии во времени. Когда апостол Петр исповедал такую веру в Него, сказав: *Ты - Христос, Сын Бога Живаго* (Мф.16:16), - то Он такую веру похвалил. Когда же старейшины и книжники хотели Его смутить

разными хитросплетенными вопросами, Он Сам смутил их и заставил замолчать ссылкой на Священное Писание, где говорится, что ожидаемый Мессия является не только Сыном Давидовым, но и Сыном Божиим (Мф.22:41-46). Он хочет, дабы в Него веровали и как в высшее откровение Божие, в коем соединяются все прочие откровения от начала и до конца. Вне Его тщетна вера, тщетна надежда, невозможна любовь. А что правая вера в Него спасительна, убедится тот, кто право верует. Как убедится? У него из чрева *потекут реки воды живой*. Под водою живой здесь подразумевается Дух Святой, как объясняет сам Евангелист: *Сие сказал Он о Духе*. Итак, Дух Святой вселится в того, кто верует в Сына Божия, и духовные живоносные реки потекут из чрева его. Но почему *из чрева*? Потому что тело в жизни сей у святых является обителью Духа Святого, как и апостол говорит: *Не знаете ли, что тела ваши – суть храм живущего в вас Святого Духа* (1Кор.6:19)? Так говорит апостол Павел верным, на коих Дух Святой уже сошел чрез веру в Сына Божия. В более узком смысле под *чревом* подразумевается сердце человеческое, как средоточие жизни и телесной, и духовной. Тот же апостол Павел глаголет: *Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего* (Гал.4:6). И, таким образом, из сердца как из главного святилища Духа Святого разольются духовные живоносные струи по всему человеку, телесному и духовному. Последствием сего будет то, что у верующего тело станет орудием духа человеческого, а дух человеческий – орудием Духа Святого. Весь человек будет очищен, просвещен, утвержден и обессмерчен теми струями Бога Духа, так что все его помышления, вся любовь и все делание будут устремлены в жизнь вечную. Потоки его жизни будут переливаться в вечность, и потоки вечности будут переливаться в его жизнь.

Но в то время, когда Господь наш Иисус Христос говорил сие, *еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен*. То есть Духа Святого еще не было на верующих, на Иисусе же Он был. Дух Святой еще не начал Своего действия в мире в полноте и во всей силе, ибо Господь наш Иисус Христос еще не был прославлен, то есть еще не принес до конца Себя в жертву за род человеческий и не завершил Своего дела как Спаситель человеков. В домостроительстве спасения человеков Отец имеет полноту действия в мире, когда посылает Сына на дело спасения человеков; Сын имеет полноту действия, совершая сие дело спасения как Богочеловек; а Дух Святой имеет полноту действия, утверждая,

освящая и продолжая дело Сына. Но нельзя понимать это так, как если бы Сын и Дух не действовали, когда действует Отец; или Отец и Дух не действовали, когда действует Сын; или Отец и Сын не действовали, когда действует Дух. Да удалится от тебя подобная злочестивая и безумная мысль. Ибо, се, пока еще Сын был в полноте Своего действия на земле, действовали вместе с Ним и Отец и Дух, как это было явлено при Крещении на Иордане, и как сказал Сам Господь наш Иисус Христос: *Отец Мой доныне делает, и Я делаю* (Ин.5:17). Значит, и Отец и Сын действуют вместе и одновременно. Точно так же вместе и одновременно действуют и Дух Святой и Сын, как видно из обетования Господа нашего Иисуса Христа послать ученикам Духа Утешителя, при том что и Сам Он останется с ними *во все дни до скончания века*. Троичное Божество единосущно и нераздельно, но по отношению к сотворенному миру Оно выражает Свое действие более заметно то чрез Одну Божественную Ипостась, то чрез Другую. Итак, когда Господь наш Иисус Христос обещал сошествие Духа Святаго на апостолов, Дух Святой был в Нем, так что можно сказать: насколько сие обетование исходило от Бога Сына, настолько же Оно исходило и от Самого Бога Духа Святаго.

Рассмотрим теперь, как исполнилось это обетование, или как произошло сошествие Бога Духа Святаго, которому мы сегодня и посвящаем сие торжественное празднование.

При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. По заповеди Своего Господа апостолы оставались в Иерусалиме и ожидали *силы свыше*, коя укажет им, что им следует делать дальше. Все они вместе и единодушно пребывали в молитве, все, как один человек, как одна душа. Содержание душ делает души человеческие непохожими или схожими; а содержание душ всех апостолов в то время было одно и то же: их души были наполнены прославлением Бога зато, что было, и чаянием того, что будет.

И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго. Что это за шум? Не шум ли это воинства ангельского? Не шум ли это херувимских крыльев, который слышал пророк Иезекииль (Иез.1:24)? Чем бы он ни был, был он не с земли, но с неба и не от

земных ветров, но от силы небесной. Шум сей объявляет о сошествии Царя Небесного, Бога Духа Утешителя. Дух не есть огонь, как не есть Он и голубь. Но Он явился на Иордане *как голубь*, а ныне является как огонь. Там – чтобы знаменовать невинность и чистоту Господа нашего Иисуса Христа, на Коего Он и сошел; здесь же – чтобы знаменовать огненную силу, теплоту и свет: силу, попадающую грехи, теплоту, согревающую сердца, свет, просвещающий умы. Дух бесплотен и не воплощается ни в каком теле, но при необходимости Он является в том телесном виде, который лучше всего символизирует значение данного момента. А почему Дух Святой в этом случае явился в виде *разделяющихся* огненных языков, которые *почили* по одному на каждом из апостолов, сразу же становится понятно из последовавшего:

И начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать. Вот и объяснение, почему Бог Дух явился в виде языков, и при том разделяющихся. Да станет первым Его действием то, чтобы апостолы смогли говорить на иных языках. А из сего ясно, что с самого начала Церкви Христовой Евангелие спасения было предназначено всем народам земли, как и определил Господь после Своего Воскресения, заповедав апостолам: *идите, научите все народы.* Ибо после того как иудеи, народ богоизбранный, отвергли Господа и распяли Его, Господь Победитель свершил для Себя новое избрание из всех народов на земле, и так возник новый богоизбранный народ, не единого языка, но единого духа, *народ святой, или Церковь Божия.* Как же апостолы Христовы пошли бы ко всем народам и научили бы все народы, если бы не знали языков тех народов? Таким образом, первой силою, потребной этим первым миссионерам Евангелия, дабы они могли начать свою миссию, была возможность понимать иностранные языки и говорить на них. Люди простые, они знали лишь свой родной язык, еврейский, и больше никаких. Если бы они стали учить многие иные языки обычным путем и способом, то когда бы они их выучили? И за всю свою жизнь они не выучили бы того, чему научил их Дух Святой в одно мгновение. Ибо, взгляните, сколько разных народностей, говорящих на разных языках, собралось тогда в Иерусалиме: *Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне!*

Каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились. Они видели пред собою людей простых, с простыми манерами, просто выглядевших и одетых, и каждый слышал их говорящих его родным языком о великих делах Божиих. Как тут было

не изумляться? Как не дивиться? Иные, не зная, как все сие объяснить, начали говорить: *они напились сладкого вина*. Но так бывает часто: пьяным людям трезвый кажется пьяным, и безумным разумный кажется безумным. Венчанные с землею и землею опьяненные – как и могли они иначе судить о людях, исполненных Духа Святаго, о духоносцах, глаголющих, как Дух давал им провещевать? Люди рутины не любят неожиданностей и, когда неожиданности происходят, встречают их, или гневаясь, или насмехаясь. Но Дух Святой не похож на человека, насильно врывающегося в чужой дом. Он входит туда, где для Него добровольно отворяют двери дома, и где Его ожидают как самого дорогого и самого желанного Гостя. Апостолы с нетерпением ждали Его, и Он сошел на них и вселился в них. Он сошел на них с шумом – не угрожающим, но радостным.

О братья, как радуется Дух Святой радостью неизглаголанною, когда обретет чистые и открытые души, жаждущие Его! С радостным шумом Он вселяется в них и одаряет их своими богатыми дарами. Как огонь, входит Он в них, дабы попалить и последние ростки греха; как свет – дабы осиять их незаходимым светом небесным; как теплота – дабы согреть их Божественной теплотою любви, которой согреваются бессмертные воинства ангельские во Царствии Божиим. («Как светильник, хотя и елеем полон, и фитиль имеет, но если не зажжен огнем, остается весь темным: так и душа, по-видимому украшенная всеми добродетелями, если не сделается причастною света и благодати Святаго Духа, есть еще погашенная и омраченная, и дела ея еще нетверды; ибо надобно, чтоб они были обличены и явлены светом (Еф.5:13)». *Прп. Симеон Новый Богослов. Слово 59*). Даром языков наделил Он апостолов как первым даром Своим, более всего им в то время потребным. Но позднее Он, опять же в соответствии с потребностями служения апостольского, изливал на них и иные дары: дар чудотворения, дар пророчества, дар рассуждения, дар слова, дар терпения, дар внутреннего мира, дар непоколебимой веры и надежды, дар боголюбия и человеколюбия. Обильно и радостно раздавал Дух Святой дары сии не только апостолам, но и их преемникам, и всем святым Церкви Христовой доныне, в соответствии с потребностями и чистотой человеческой. Своим великим делом на земле Господь наш Иисус Христос принес великую радость и Отцу и Духу Святому. С первых райских дней Адама Дух Святой не имел той радости, какую имел Он в день Пятидесятницы, когда Бог Сын создал для Него возможность

действовать среди людей в полную силу. Правда, Он непрерывно действовал на род человеческий, и когда тот содержался в оковах греха, с грехопадения Адама до Воскресения Христова; однако тогда Его действие стеснял и мешал ему грех человеческий. Тесным и претесным путем Он ходил и тогда среди людей, подливая елей в лампаду жизни лишь настолько, чтобы она совсем не угасла. Он действовал и чрез законы природы, и чрез законы человеческие, и чрез пророков и царей, и чрез художников и мудрецов, настолько, насколько те могли и хотели предаться Его действию. Где бы ни капала в прах земной слеза, порожденная жаждою правды Божией, – сие было от теплоты, которою Он согрел сердце человеческое. Где бы ни блистала светлая мысль мудреца о Едином бессмертном Боге – сие была Его искра, брошенная в душу человеческую. Где бы художник ни сочинял, ни ваял или ни рисовал некую сказку жизни, коя хоть сколько-нибудь отверзала ослепленному человечеству очи для видения Божественной истины, – се, здесь Он соприкасался Своим животворящим дыханием с духом человеческим. Где бы витязь, с верою в Бога жертвуя собою, ни вставал на защиту попранной истины и правды – се, здесь Он вливал Свои силы в сердце человеческое. Но все это было без великого размаха и без великой радости. Все это были лишь крохи, брошенные голодным узникам в темнице. Когда Господь и Бог наш Иисус Христос сокрушил темницу греха и смерти и извел пред Духа Святаго двенадцать Своих апостолов, как двенадцать светлых царских чертогов, тогда Бог Дух Святой с радостным шумом и с полнотою Своего действия вселился в них. Бог Дух Святой, скорбевший еще со времен греха Адамова, тогда первый раз с великим дыханием, с великим размахом и с великою радостью снова начал в людях Свое неограниченное действие силы и вдохновения.

Или, чтобы лучше уразуметь, воспользуйтесь таким сравнением. Солнце светит и зимою, и весною. Но его свет и теплота не могут привести к тому, чтобы зимою из снега что-либо выросло. А весною свет и теплота этого же самого солнца приводят к тому, что из земли прорастает и возрастает все посеянное. Ученые говорят, что зимою земля уклоняется от солнца, что снежные края находятся дальше от солнца и принимают солнечный свет через наклонные, а не отвесные солнечные лучи. Весною земля обращается к солнцу, снежные края оказываются ближе к нему, и солнечные свет и тепло сходят через более отвесные лучи. От Адама до Христа душа человеческая была подобна земле в зимнее время. Дух Святой светил и грел, но душа

человеческая из-за своей греховной искривленности и удаленности от Бога словно оледенела, и в ней ничто не могло произрастать и плодоносить. Господь наш Иисус Христос выпрямил душу человеческую и приблизил ее к Богу, очистил ее ото льда и снега, вспахал и посеял в ней Божественное семя. И тогда Дух Святой, словно солнце весной, начал Своєю силой растить и являть дивные и сладкие плоды на ниве души человеческой. Никогда зима не сможет поверить в чудеса, в которые весна обряжает землю. Так и люди, уклонившиеся от Духа Святаго, живущие с душою, покрытой льдом и снегом своих собственных самообманов, никогда не смогут поверить в то, какими чудесными дарами Дух Святой украшает приблизившихся к Нему и вставших под отвесные лучи Его Божественного света и теплоты. Да и как эскимос, который родился и весь свой век прожил среди льда и снега, может поверить путнику из южных краев, рассказывающему о цветах и деревьях, о пестрых полях и зеленых холмах?

Так и некие люди из удаленной от Бога страны, оледеневшей и помраченной грехом, не поверили апостолам, когда те начали благовествовать им о живом Боге, сущем на небесах, об Отце, Который призывает к Себе всех, желающих называться Его чадами; о Сыне Божиим, Который явился в мире как Человек, жил с людьми, пострадал за людей, воскрес в силе и вознесся во славе; о Духе Святом, Который сошел на них и наделил их дарами небесными; о светлом и бессмертном отечестве нашем на небесах, от которого нас только грех разлучил; о чистоте жизни, которая требуется от нас, дабы мы могли возвратиться в это свое небесное отечество и стать сослужителями и братьями ангелов в жизни вечной. Иные поверили сей радостной вести, иные – нет. От Божественных апостолов разливались *реки воды живой* по всему миру. Иные пришли и напились сей воды живой, а иные – нет. Апостолы ходили среди людей, как боги, творя чудеса, врачую всякую болезнь и всякую немощь, проповедуя покаяние и прощение грехов. Иные приняли их, радуясь, а иные отвергли, гневаясь и насмехаясь. Те, кто их принял, ощутили и сами общение свое с Духом Святым и действие Духа Святаго в себе. И так возрастал народ святой, и Церковь Божия ширилась и утверждалась в мире. Так семя проросло и принесло плод. Так дом истины, краеугольный камень коего есть Господь наш Иисус Христос, освятился Духом Всесвятым, распространился на все четыре стороны света и кровлею своею вознесся до величайших высот небесных.

Отмечая день сей как праздник Духа Святаго, благоизволившего по бесконечной любви к Богу Сыну с бесконечною радостью и послушанием сойти на землю и взять в Свои всеильные руки дело человеческого спасения, помянем в благодарственных песнопениях и Пресвятую Деву Марию, на Кою Дух Святой сошел ранее, нежели на апостолов. На апостолов Бог Дух сошел как на Церковь, как на единокорную общину святых; на Богородицу же – как на особо избранную Личность. *Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя*, – благовестил архангел Гавриил Пресвятой Деве. И Она силою Духа Святаго родила Плод краснейший, от Коего благоухают небо и земля и Коим питаются все верные от начала до конца. О Пресвятая Пречистая Богородица, заря и колыбель нашего спасения, наш образ смирения и послушания, Заступница и Молитвенница наша у престола Божия, молись непрестанно со святыми апостолами о нас!

О Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, приди и к нам, и вселись в нас, и пребывай в нас как сила, свет и теплота; как жизнь наша и радость наша! И очисти нас от всякой скверны, и спаси, Блаже, души наши! исполни сердца наши радости и уста наши – песнопений, да славим и величаем Тебя со Отцем и Сыном – Троицу Единосущную и Нераздельную, ныне и присно, во все времена и во веки веков. *Аминь.*

Из собрания творений святителя Николая Сербского (Велимировича)

RENEWAL BY THE HOLY SPIRIT

A Homily on the Day of Pentecost

Hieromonk Irenei (Pikovsky)

In the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Spirit!

On Holy Trinity Sunday (Pentecost) we remember the descent of the Holy Spirit upon the apostles on the day of [Pentecost](#), and we call this day the birthday of the Church.

Forty days after the [Resurrection](#), Christ commanded His apostles: *Depart not from Jerusalem, but wait for the promise of the Father... For John truly baptized with water; but ye shall be baptized with the Holy Spirit not many days hence* (Acts 1:4-5). This happened ten days after the Lord's [Ascension](#), during the Jewish Feast of Weeks, when they would bring two wheat loaves from the new harvest to the temple. The descent of the Holy Spirit upon the apostles occurred on the fiftieth day after Pascha, and therefore the feast subsequently became known as Pentecost. But if the Jews still to this day mark this day as the giving of the Law on Mt. Sinai during the Exodus from Egypt, then for Christians this day is the feast of the New Covenant, as it was through the descent of the Holy Spirit upon the apostles that the covenant, concluded "in the Blood of Jesus Christ," revealed its power.

That which the [prophet Joel](#) foretold in ancient times: *I will pour out My Spirit upon all flesh; and your sons and your daughters shall prophesy* (Joel 2:28), was fulfilled on the apostles. From a bunch of frightened disciples, united only by common memories of their Teacher, they turned into the pillars of the Church, *proclaiming the Kingdom of God and teaching about the Lord Jesus Christ with all boldness and without hindrance* (Act 28:31). These simple and uneducated men of Galilee suddenly left their fears behind and began to preach "of all that occurred from the beginning" with Jesus Christ and "of the great works of God" with the skill and wise insight of experienced orators.

On the day of Pentecost, the entire Holy Trinity revealed itself. Pentecost was the turning point in the apostolic community, as the Holy Spirit gave the apostles fire and water in the form of active and contemplative boldness to preach. When all the disciples were gathered together in one accord, *suddenly a sound like that of a violent rushing wind came from heaven... And there appeared unto them cloven tongues like as of fire...* (Acts 2:2-3). The [prophet Elias](#) heard the noise and felt the gust of wind on Mt. Horeb when the Lord revealed His presence to Him (cf. 3 Kg. 19:11). The pillar of fire led the Jews' of Moses' time through the desert.

The prophetess Anna said that *out of heaven shall [the Lord] thunder upon them ... and He shall give strength unto His king, and exalt the horn of His anointed* (1 Kg. 2:10). A distinct voice sounded from Heaven several times during the life of Jesus Christ: when He was baptized in the Jordan, when He was transfigured on Mt. Tabor, and when He spoke with some Greeks in Jerusalem. This voice of the Heavenly Father could be like thunder (cf. Jn. 12:28-29). Therefore, the presence of God the Father can be seen in how the descent of the Holy Spirit is described. According to [St. Gregory Palamas](#), the apostles, adopted by God the Father, truly became “Sons of Thunder” (Mk. 3:17) by the force of this sound.

This adoption by the Father and filling by the Holy Spirit could be accomplished only through Jesus Christ, only after His glorification (cf. Jn. 7:39). Jesus Christ constantly intimated to His disciples that He is the reason for the coming of the Spirit, the Comforter. Going to His saving Passion, the Lord told His disciples: *And I will pray the Father, and He shall give you another Comforter, that He may abide with you forever; Even the Spirit of truth* (Jn. 14:16-17). And again: *But the Comforter, which is the Holy Spirit, Whom the Father will send in My name, He shall teach you all things* (Jn. 14:26). And also: *But when the Comforter is come, Whom I will send unto you from the Father, even the Spirit of truth, which proceedeth from the Father, He shall testify of Me* (Jn. 15:26).

Although the Holy Spirit appeared in the world in His fullness after the Son, He, according to St. Gregory the Theologian, was always of equal honor to the Son and the Father. The Spirit Himself “testifies,” “reminds,” and “teaches” the disciples of Christ. Moreover, we see from the sermon in the synagogue in Nazareth that it is precisely the Spirit of the Lord Who anoints Jesus Christ for His ministry (Lk. 4:18).

Therefore, on Pentecost, as at the Baptism of the Lord in the Jordan, the entire Holy Trinity was revealed. There was the voice of the Father from Heaven, as thunder; there was the appearance of the Spirit in the form of fiery tongues, as before in the form of a dove; and there was the appearance of the Son as the Word of God, which became the basis for the preaching of the Resurrection.

On one hand, the activity of the Holy Spirit is like fire. The Son of God spoke of this spiritual fire when He indicated that He came to bring fire to the earth. He even stressed: *And how I wish it were already kindled!* (Lk.

12:49). St. John the Forerunner specified that the Son of God would be baptized *with the Holy Spirit and with fire* (Lk.3:16). Sent from the Father through the Son, the Holy Spirit enlightened the apostles and ignited them for the preaching of the Gospel. And as candles are lit one from another, maintaining the same light, so, according to St. Gregory Palamas, through the apostles' ordination of their successors, the grace of the Divine Spirit is passed from generation to generation in the Church of Christ.

But, on the other hand, the activity of the Holy Spirit is like water. The Gospel of John speaks to this with the words: *If any man thirst, let him come unto Me, and drink... But this spake He of the Spirit, which they that believe on Him should receive* (Jn. 7:37, 39). Those who have received the Holy Spirit have themselves become fountains of living water, which comes from their bellies; that is, from the heart—as the center of both physical and spiritual life. The apostle Paul wrote about the heart as the center for receiving the Holy Spirit: *God hath sent forth the Spirit of His Son into your hearts* (Gal. 4:6).

But this reception of grace “in the heart” is not something automatic for man, independent from the life of the entire Church community. The apostle Luke emphasizes the idea that at the moment of Pentecost, the disciples of Christ were together. Therefore, it was those who were *with one accord in prayer and supplication* (Acts 1:14) and *in the apostles' doctrine and fellowship, and in breaking of bread, and in prayers* (Acts 2:42) who received the Spirit. To fill the hole in the community, they even chose the apostle Matthias in place of the fallen Judas (Acts 1:26). The first disciples of Christ perceived themselves first and foremost as the people of God, the congregation called to unity in the image of the Holy Trinity (*That they all may be one; as Thou, Father, art in Me, and I in Thee, that they also may be one in Us* [Jn. 17:21].). Therefore, we must understand ourselves as one Church, not as a group of individuals seeking only our own personal sanctification from God.

The most important Sacrament of the Church, the [Eucharist](#), points towards the Church community's dimension as a “common work.” The Eucharist is a repast, a partaking of Food and Drink. However, as the modern Greek theologian Christos Yannaras notes, “That the act of eating would become a means of communion unto life [eternal], and not just a

guarantee of ephemeral survival, the action of the Holy Spirit is needed—the transfiguration of corruptible food into food incorruptible.”[\[1\]](#)

That man’s food and drink might become the true “medicine of immortality,” during every Eucharistic gathering, the Church, addressing God the Father, calls upon the Holy Spirit to effect the transfiguration of the bread and wine into the Body and Blood of Christ: “Send down Thy Holy Spirit upon us and upon these gifts set forth, and make this bread the precious Body of thy Christ, and that which is in this cup, the precious Blood of thy Christ, changing them by thy Holy Spirit.”[\[2\]](#)

We call the Holy Spirit “upon us and upon these gifts set forth” in order to accomplish the transfiguration of life, that life would acquire incorruptibility, that the gifts themselves and every man partaking of them would be transformed into a new creation, not subject to death—transformed into the Body of Christ.

But as the Body of Christ is the living vineyard of souls, which have one Root and many branches, so the grace of the Holy Spirit acts upon man to the degree that he is grafted into the Church. To receive Christ as the root of the vine means to receive the Holy Spirit as the life-giving juice; and, conversely, it is impossible to seek the grace of the Spirit while distancing yourself from Christ.

The descent of the Holy Spirit on the apostles is considered to be the [birthday](#) of the Church. The value of this day is in that by the action of the Holy Trinity, the disciples of Christ went from weak to strong of spirit, from fearful fishermen to bold orators. Many other gifts are given by the Holy Spirit to each according to his needs (cf. Rm. 12:6-8, 1 Cor. 12:4-12). But all of these gifts are given not so that some individualists coming to the Church could take something “from the grace of the Spirit” for themselves, to improve their lives or improve their health, but that, in unity of spirit and a covenant of peace, by joint efforts and a common work, the gathered faithful might serve the Holy Trinity for the glorification of the name of God on earth.

To Him belongs all honor and worship, to the Father, and to the Son, and to the Holy Spirit, now and ever and unto the ages of ages. Amen.

[Hieromonk Irenei \(Pikovsky\)](#)

[Pravoslavie.ru](#)

5/28/2018

HOW OUR WORLD STOPPED BEING CHRISTIAN: ANATOMY OF A COLLAPSE

[Jean-Claude Larchet](#)

Review by Jean-Claude Larchet of Guillaume Cuchet's book Comment notre monde a cessé d'être chrétien. Anatomie d'un effondrement [How our world stopped being Christian: anatomy of a collapse] (Paris: Seuil, 2018), 276 pp.

In this book — the title of which plays on that of Paul Veyne's book *When Our World Became Christian*, yet announces the inversion of the process whose beginnings the latter analysed — Guillaume Cuchet, professor of contemporary history at the University of Paris-Est Créteil who specialises in the history of Catholicism, proposes to define the moment when this decadence began and to determine the reasons for it. One of the main scientific tools he uses is statistical analysis, and one of the objective criteria he considers is the rate of regular Sunday church attendance among the French population, which has declined from 27% in 1952 to 1.8% in 2017. This criterion can be challenged because, according to a recent article in the French Catholic newspaper *La Croix*, one can be a "practicing" Catholic with other commitments. True, in the absence of such a Sunday practice, a Christian culture can last for a while; but the loss of contact with liturgical life can only lead to its gradual weakening and eventual disappearance.

The first third of the book defines adherence to Catholicism as it appears from a mass of statistical data compiled by the clergy between 1945 and 1965, and in particular statistics carefully and regularly established over a wider period (1880–1965) by Canon Boulard, a sociologist and author of the four-volume work *Materials for the Religious History of the French People, 19th–20th Centuries*.

According to Cuchet, it is in the 1960s — more precisely in 1965 — that the rupture inaugurating the process of Catholic decadence in France can be dated. This break coincides with the Second Vatican Council, which is paradoxical, since this council was designed, by those who organised it, as an *aggiornamento* to vivify a Catholicism confronted with the modern world. Yet as the author, after examining various hypotheses, points out, “we do not see what other event could have generated such a reaction. By its mere existence, to the extent that it suddenly made possible the reform of the old norms, the council was enough to shake them, especially since the liturgical reform which concerned the most visible part of religion for most people began to be implemented as early as 1964.”

In the second half of his book, the author precisely analyses the causes, related to the council, of the rupture and process of decadence which continues today throughout the world.

The council caused the faithful to [lose their bearings](#). The conciliar text published in 1965 on religious freedom, *Dignitatis humanae*, appeared “as a kind of unofficial authorisation to rely on one’s own judgment with regard to beliefs, behaviour, and practice, which contrasted strongly with the former system.” This occasioned Father Louis Bouyer’s sad remark: “Nobody believes anymore; everyone does only what they want.”

In the area of piety, notes Cruchet, aspects of the liturgical reform which might appear secondary, but which were not at all on the psychological and anthropological level, played an important role. This included the abandonment of Latin, the reception of Communion in the hand, and the relativisation of old ties. To this can be added the criticisms of solemn communion which increased starting in 1960 and especially in 1965, as well as the new pastoral practices around baptism (from 1966) and marriage (from 1969–1970), which tended to increase the level of access to the sacraments by requiring more preparation and personal investment on the part of those wishing to receive them.

In the area of beliefs, the very fact of there being a change in discourse was what mattered. Variation in official teachings made skeptics out of the humble faithful, who concluded that if the institution had been “mistaken” yesterday in declaring as immutable what had ceased to be, one could not

be assured that the same would not occur in the future. A whole series of old "truths" suddenly fell into oblivion, as if the clergy themselves had ceased to believe in them or did not know what to say about them after having spoken of them for so long as something essential.

Another area in which this situation was able to destabilise the faithful, notes the author, is "that of the image of the Church, its hierarchical structure and the priesthood. The 'Catholic crisis' of the years 1965-1978 was at first a crisis of the clergy and Catholic militants. The abandonment of the cassock (from 1962) and the religious habit, the politicisation (towards the left) of the clergy, the departure of priests, religious and nuns, appeared to many as a real 'betrayal of the clergy' without equivalent since the French Revolution, which had had the same destabilising effects."

Furthermore, "the council paved the way for what might be called 'a collective exit from the obligatory practice on pain of mortal sin,' which occupied a central place in ancient Catholicism. [...] This ancient culture of obligatory practice was mainly expressed in the area of the 'commandments of the Church,' which children learned by heart at catechism and the guarding of which had to be verified during the examination of conscience when [preparing for confession](#). This also included the duty of keeping Sundays and feast days holy, of confessing sins, and of receiving Holy Communion at least once a year; [and] of fasting on Fridays, on the eves of great feasts, and during the so-called "Four Seasons" of Lenten periods. All these requirements were relaxed to the point of disappearing with the exception of Communion, which became systematic and was received without any preparation, since confession and [fasting](#) had practically disappeared. The easing of the Eucharistic fast, however, had been accomplished in several preliminary stages: in 1953, Pius XII, while maintaining the obligation of fasting from midnight on before communion, decided that the intake of water would no longer break it; in 1957, the *motu proprio* entitled *Sacram communionem* reduced fasting to three hours for solid food and one hour for liquids; in 1964, Paul VI decreed that one hour sufficed in both cases, which meant in practice the disappearance of the Eucharistic fast, since one hour is the time of travel to church and the duration of the Mass before communion.

During this conciliar and post-conciliar period, "it is striking," notes the author, "to see to what extent the clergy voluntarily removed the old system of norms which they had so much difficulty putting in place,"

inevitably creating in the people the feeling that one had “changed their religion,” and provoking amongst some of them an impression of generalised relativism.

The author dedicates two whole chapters to the causes of decadence which seem to him fundamental: the crisis of the sacrament of penance and the crisis of the preaching on the Last Things.

1) According to Cuchet, “The crisis of [confession](#) is one of the most revealing and striking aspects of the ‘Catholic crisis’ of the years 1965–1978.” “The decline of confession is in itself a major sociological and spiritual fact that historians and sociologists probably have not taken full measure of: nothing less, in fact, than the overwhelming transformation by massive abandonment, in the space of only a few years, of a practice which over a long period of time had profoundly shaped Catholic attitudes. In 1952, 51% of Catholic adults admitted going to confess at least once a year (at Easter, it had been obligatory since the promulgation of Canon 21 of the Fourth Lateran Council of 1215); in 1974, this had decreased to only 29%, and in 1983, to 14%. According to the author, the breaking point is around 1965–1966, when confession ceased to be presented as the “sacrament of penance,” and began to be presented as the “sacrament of reconciliation.” This went hand in hand with the following:

- the end of the aforementioned “obligatory practice” and a decriminalisation of the abstention from religious practice, previously considered as a sin inasmuch as this was a breaking with the commandments of the Church, which were presented as duties one was compelled to fulfil;

- a loss of the sense of sin in the conscience of many faithful, but also among the clergy who now feared to evoke this notion, as well as that of the Last Things. The author notes in this regard: “The clergy have quite abruptly stopped speaking on all these delicate subjects, as if they had stopped believing in them themselves, while at the same time a vision of a Rousseau kind of God carried the day: the “Love God” (and no longer merely “God of love”) of the years 1960–1970.” As one old Breton peasant summarised in the early 1970s in an interview with the sociologist Fañch Élégœt, “The priests have paved the road to heaven.” Once narrow and steep, it was now a highway used by almost everyone. With such a road at hand, if there were no longer any sin or hell, or at least some serious sin that could deprive you of heaven, the usefulness of confession, in its traditional definition, was actually less obvious”;

- a disconnect between [confession and communion](#). “In the old system, we confessed more than we communed, and confession was first perceived as a sort of purification ritual conditioning access to the Eucharist.” The development of frequent communion, accompanied by the loss of a sense of sin, as well as the idea among some clergy — influenced by psychoanalysis — that it was necessary to liberate the faithful from feeling guilty and to “free them from the confessional” had as a consequence that the faithful were now invited to communion without needing to confess. Communion then became trivialised, while the very possibility of confession practically did not exist any more, the regular individual confessions being replaced, starting in 1974, by “penitential ceremonies” celebrated once a year before Easter. At these gatherings, the faithful did not confess anything (the author calls these ceremonies “forms of penance without confession”) but received a collective absolution after listening to a vague speech in which the notion of sin was most often bypassed. And when the possibility of confessing remained in some parishes or was later restored, “the faithful did not know very well how to confess, or even if it was still useful to do so.”

2) The last chapter is devoted to a cause of decadence which seems equally fundamental to the author: the crisis of the preaching on the “Last Things.” In the chapter’s title, the author wonders whether that might not mean in the background “the end of salvation,” and he notes that in ancient catechisms and theological treatises, an important place was given to death, judgment, and the two final destinations of the hereafter, hell and paradise. Worried as early as December 1966 at seeing them disappear from teaching and preaching, the bishops of France noted: “Original sin [...], as well as the Last Things and Judgment, are points of Catholic doctrine directly related to salvation in Jesus Christ and whose presentation to the faithful actually makes it difficult for many priests to teach them. We do not know how to talk about them.” Shortly before this, Cardinal Ottaviani, prefect of the Congregation for the Doctrine of the Faith, had noted that original sin had almost completely disappeared from contemporary preaching. Cuchet remarks that it was not only a pastoral and pedagogical problem of presenting dogma, but also that “in reality, it was indeed a problem of faith and doctrine, and a discomfort shared between the clergy and the faithful. Everything happened as if, quite suddenly, at the end of a whole work of underground preparation, whole parts of the ancient doctrine considered hitherto as being essential, such as judgment, hell, purgatory, the devil, had become unbelievable for the faithful and unthinkable for theologians.” The author situates this crisis

(although it had had some warning signs for some time) in the 1960s, along with the crisis of confession, noting that the former is closely related to the latter: "The collapse of the practice of confession follows an identical chronology, in particular the virtual disappearance in a few years, or even a few months, of the group that once was so common among those who confessed frequently. The relationship is directly, if not exclusively, linked with the erasure of the notion of mortal sin (in the sense of sin making one liable to damnation). But it also had implications on other sacraments related to the Last Things. In the new ritual of baptism, the exorcisms were considerably reduced (because it did not seem desirable to insist on the role of Satan, in whose existence some clergy no longer believed and who seemed to belong to a mythology from which the faithful, judged to be naive, were to be freed); there was also a clear mocking of original sin, from which [baptism] was supposed to deliver so as to secure eternal life."

As far as baptism is concerned, another reform was to cause the disaffection of many of the faithful: beginning in December 1965, "a new pastoral ministry of baptism, whose primary concern until now was to have children baptised as soon as possible, on the contrary, [strove] on the contrary to put off the date so as to involve the parents more in the preparation." It should be added that a certain number of priests went so far as to discourage the baptism of children on the pretext that it must be a free, voluntary, and fully conscious act, and advocated postponing the discussion of baptism until they had reached adolescence.

Approaching his conclusion, the author emphasises again the catastrophic effects of the crisis of the 1960s on the dogmatic conscience of the faithful, which in a way had become Protestantised: "The consecration of the freedom of conscience by the council has often been interpreted in the Church, unexpectedly at first, as a new freedom of the Catholic conscience, implicitly allowing it to distinguish between dogmas and practices of obligation. The very notion of dogma (as obligatory belief in conscience) then became problematic. This major decision of the council, coupled with the notion of a "hierarchy" of truths, seems to have operated in the minds of many as a kind of official decriminalisation of the "DIY believer" which contrasted greatly with the previous system, where the truths of the faith were to be taken as a whole and not by pick-and-choose. It was to be expected that the most disagreeable of these [tenets], or those most counter-intuitive to common sense, would pay the price, and this did not fail to occur."

Whatever the external factors might have been that could have played a role in the collapse of Catholicism (modern attitudes, social pressure, etc.), the internal factors are what appear to be decisive according to the author of this book.

Catholicism itself bears a heavy responsibility in the dechristianisation of France (and more broadly of Europe, because an analysis made for other countries would lead to identical conclusions). The *aggiornamento* realised by the Second Vatican Council, and which had proposed to face the challenges of the modern world, did nothing but adapt itself to the latter; thinking to bring the world to its side, it ended up giving in to the world, and despite wanting to be heard in the secular sphere, Catholicism has instead become secularised. Fearing to assert its identity, it became relativised to the point that a large number of faithful no longer found in it the signposts to which they had been accustomed or that they expected, and no longer saw the point of seeking in Catholicism what the world already offered them in a less roundabout way.

The Catholic authorities seek to minimise the collapse described in this book by various arguments (a large number of French remain Catholic and have their children baptised; religious practice is measured by commitments other than Mass attendance; quality has replaced quantity, etc.). Yet they struggle to convince. John Paul II is often presented as having engineered a recovery from the excesses that followed Vatican II, but it must be noted that Sunday religious observance in France declined from 14% at the time of his election to 5% at the time of his death in 2005. If it is true that living communities existing in cities can provide a false example (as was also the case with the few churches open during the Communist period in the Eastern Bloc, crowded on account of others being closed), as well as the spectacular gathering of young people during the World Youth Days, the French countryside nevertheless shows the reality of a dramatic desertification: the multiplication of disused churches (that is to say, churches no longer acting as place of worship); priests having the care of twenty or even thirty parishes and celebrating every Sunday a “regional” Mass for a small group of faithful, mostly elderly and sometimes coming from several dozen kilometres away; the disappearance of burials celebrated by priests due to the lack of available celebrants; the lack of contact between priests and faithful because of their mutual distance and the unavailability of the former, who are more occupied with clerical meetings than with pastoral visits ...

The sad evolution of the post-conciliar Catholic Church, as described in Cuchet's book, should serve as a warning to the Orthodox bishops and theologians who have dreamt and still dream of calling for a "Great Orthodox Council" similar to that by which the Catholic Church wanted to accomplish its *aggiornamento*, but whose main effect was to provoke its internal disintegration and the dramatic haemorrhage of a large number of its faithful.

Orthodox Ethos

Used with permission

Jean-Claude Larchet